

Е.И. Красильникова

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ ДЕКАБРИСТОВ В МЕМОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИРКУТСКА (НАЧАЛО XX в. – 1991 г.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке НГТУ (проект № С-19-17, 2019 г.).

Охарактеризованы этапы развития сегмента мемориального пространства Иркутска, который связан с памятью о пребывании в этом городе декабристов. Исследование, ограниченное хронологическим рамками советского периода, основано на анализе неопубликованных делопроизводственных источников и научно-популярных произведений краеведов. Характеризуется роль государственной, региональной политики памяти и инициатив интеллигенции в постепенном конструировании и сохранении памятных мест Иркутска, связанных с декабристами.

Ключевые слова: память о декабристах; мемориальное пространство; памятные места; политика памяти; коммеморация.

К, казалось бы, хорошо изученному сюжету пребывания участников декабрьского восстания 1825 г. в сибирской ссылке уже более ста лет неизменно обращается каждое поколение историков и краеведов. Память о декабристах оказалась востребованной в контексте конструирования разного рода социальных идентичностей, чем и объясняются многочисленные переоценки этих исторических деятелей, отраженные в научной литературе и иных дискурсах. К настоящему моменту выявлены и систематизированы оценки, которые давали историки разных поколений декабристам в соответствии с контекстами государственной идеологии, политики памяти и общего интеллектуального фона, присущего отдельным периодам отечественной истории. Однако для того чтобы прийти к более глубокому пониманию особенностей использования памяти о декабристах на разных исторических этапах разными общественными и политическими силами, недостаточно знакомства с историографией, необходимо также обращение к истории связанных с декабристами памятных мест и памятников, которые, по меткому замечанию А. Ассман, «дополняют и превосходят письменные и устные источники» во многих отношениях по своей информативности [1. Р. 288]. Будучи наглядными и общедоступными, памятники прямолинейно выражают концентрированный смысл и утверждают ценность той, или иной версии интерпретации прошлого. Пожалуй, наибольший интерес представляет история «декабристских» памятных мест Иркутска, где сложилась крупная поселенческая колония ссыльных, а впоследствии был сконструирован выраженный «декабристский» сегмент мемориального пространства. Соответствующие памятные места многократно описывались, но специально не изучались в комплексе и в контексте разработки проблем исторической динамики культурной памяти сибиряков.

Между тем в последние годы проблемы исторической памяти о декабристах, в частности ее политизации и мифологизации, активно изучаются в разнообразных аспектах [2]. О.Б. Леонтьевой разработаны вопросы формирования и бытования в России второй половины XIX – начала XX в. трех разных мифов о декабристах: официально-охранительного, либераль-

ного и революционного (героико-романтического, «герценовского») [3]; С.Е. Эрлихом также проанализированы различные мифы о декабристах и их политическое использование в позднесоветской и современной России [4, 5]. Американским славистом Л. Тригос было предложено обобщение динамики ключевых смыслов разных дискурсов памяти о декабристах, сложившихся в русской культуре [6]. Однако, по мнению С.Е. Эрлиха, ее работа была построена на небольшом количестве доступных Тригос источников, что привело к «спрямлению смыслов» и спорным выводам, в частности о том, что распад СССР и десакрализация революционного мифа о декабристах привели к началу процесса их забвения [4. С. 10]. С.Е. Эрлих показал также существование и бытование «сибирского» мифа о декабристах, сочетающего лейтмотивы их «каторжных мук» и роли первых просветителей Сибири. Последний мотив признается Эрлихом именно сибирским, региональным. Тема памяти сибиряков о декабристах развивается иркутским историком и философом М.Я. Рожанским. Он выявил совмещение в декабристском мифе трех базовых конструктов: «революционный порыв совестливых дворян, отвергавших крепостничество и мечтавших о свержении самодержавия; самопожертвование женщин, разделивших судьбу жестоко осужденных тираноборцев; культурное творение в Сибири». Рожанский сделал выводы, что эти мифы родились еще в XIX в. и укоренились в коллективной памяти сибиряков в советский период [7. С. 119]. Говоря об увековечивании памяти о декабристах в Иркутске, этот исследователь вскользь коснулся темы памятника декабристам, запланированного, да так и не установленного в 1980-х гг., а также показал и объяснил отсутствие у сибиряков в нынешнее время консенсуса относительно их роли в истории нашего региона [7. С. 119, 176–178].

Пребыванию декабристов на иркутской земле посвящена обширная историография. Большинство авторов научных и публицистических работ о жизни декабристов в Иркутске упоминали и соответствующие памятные места: могилы, дома декабристов, церковь, построенную Волконскими. Во-первых, при работе над статьями и книгами, историки использовали подобные описания для подтверждения приводи-

мых ими биографических сведений; во-вторых, что еще важнее, на доказательствах сохранения в народе «доброй памяти» о декабристах строилось обоснование не только научной актуальности, но и общественной значимости исследований этой темы. Можно заметить и то, что именно «живая» социальная память о ссыльных, еще бытовавшая в 1920-х гг., стимулировала к краеведческому поиску иркутских историков, пионером среди которых был Б.Г. Кубалов, вдохновивший своих учеников: В.Е. Дербину, М.К. Одинцову, а также А.Ф. Кудрявцева [8]. В 1977 г., уже будучи зрелым историком, А.Ф. Кудрявцев написал sentimentальную статью «Декабристы в моей жизни» для газеты «Восточно-Сибирская правда», в которой рассказал, как увлечение памятью о «первом декабристе» В.Ф. Раевском, некогда попавшем в ссылку в Олонки (родное село Кудрявцева), сыграло судьбоносную роль в жизни историка, определив его профессиональный выбор. Он описал атмосферу своего детства, проникнутую памятью о Раевских. Память выражалась и поддерживалась с помощью рассказов старших сельчан, ежедневных посещений школы, находившейся на месте усадьбы декабриста, торжественных визитов на сельское кладбище, где покоилась семья Раевских. Благодаря почти сакральной символической фигуре декабриста, которого в Олонках помнили в качестве благодетеля, село воспринималось мальчиком как достопримечательное, а ощущение сопричастности истории дворянина, сделавшего, по распространенному мнению, много добрых дел для простых крестьян, вызывало со временем желание повысить значимость этой истории. Стараниями А.Ф. Кудрявцева недолговечная социальная память преобразилась в устойчивую культурную, закрепившись печатным словом. «Интерес к декабристам отразился на моей судьбе: я стал учителем истории, исследователем и пропагандистом», – заключал автор статьи, профессиональная и локальная идентичность которого, очевидно, была связана с образами декабристов, запечатленными в коллективной памяти [9]. Не только Б.Г. Кубалов и А.Ф. Кудрявцев отталкивались в своих историко-краеведческих исследованиях от поиска старожилов, помнивших декабристов и места, связанные с их жизнью. Этим путем шел и такой известный иркутский декабристолог, как С.Ф. Коваль, еще в молодые годы собиравший материал о декабристах на основе живых устных свидетельств и посещения мест, связанных с памятью о них [10].

Уже более ста лет иркутские историки, краеведы и музейные работники занимаются описанием и популяризацией мест, напоминающих о пребывании в их городе ссыльных декабристов. В числе наиболее значительных работ советского времени труды 1920-х гг., принадлежащие перу «открывателя» некрополя декабристов Б.Г. Кубалова [11]. Тема некрополя и домов декабристов в Иркутске набрала популярность в 1970–1980-х гг. Именно этому периоду принадлежат, разработанные А.Ф. Кудрявцевым экскурсионные маршруты по «декабристским» местам [12] и книга И. Козлова, где повествуется о судьбе дома Волконских [13]. Существенные дополнения, имевшие место к началу 1990-х гг., в комплексе памятных мест Иркут-

ска, связанных с деятельностью музея декабристов, можно найти в работе А.В. Дулова и Е.А. Ячменева [14]. Этот музей стал основным центром изучения и популяризации декабристских памятных мест Иркутска. Из многочисленных работ, опубликованных по его инициативе, стоит особенно отметить статью А.Н. Гаращенко, в которой предлагается самый подробный отчет по истории забвения и «открытия» некрополя декабристов на иркутской земле. Поясняются и некоторые идеологические контексты этой истории [15]. При этом приходится все-таки признать, что до сих пор большинство работ, посвященных декабристским памятным местам в Иркутске, имеют констатирующий характер. Эти памятные места еще не осмыслены как элементы системы мемориального пространства, формирование и функционирование которой было обусловлено политикой памяти, осуществлявшейся на разных исторических этапах центральными государственными и местными властями.

Цель данной статьи – охарактеризовать динамику развития сегмента мемориального пространства, включающего в себя памятные места Иркутска, связанные с декабристами в хронологических рамках советского периода отечественной истории. Для этого предстоит выявить основные контексты политики памяти, влиявшие на изменения в «декабристском» сегменте мемориального пространства Иркутска, определить основные этапы этой динамики и выявить важнейшие особенности мемориализации декабристов в Иркутске, присущие этим этапам.

Ориентируясь на широкую, проблематику исследовательского поля, известного как «memory studies» [16], мы учитываем ставшую классикой концепцию «мест памяти» П. Нора [17]. Исследование «мест памяти» отвечает на вопрос о характере использования прошлого в настоящем для практических, в том числе и политических целей. Памятные места и памятники – отдельно взятые элементы мемориального пространства, выражают колебания культурной памяти общества. В данном исследовании мы используем активно разрабатываемую в последнее время категорию мемориального пространства. Мемориальное пространство определяется как система памятных мест и связанных с ними коммеморативных практик, состоящая из исторически локализованных символических элементов, которые особым образом функционируют в пространственно-временных координатах города. Мемориальное пространство складывается в условиях регулярности воспроизведения в массовом сознании населения воспоминаний о символически значимых персонах и событиях, маркирующих наиболее значимые черты существующего социального порядка и легитимизирующих его культурно-идеологические основания [18. С. 39]. Опыт предыдущих исследований [19] дает нам основание говорить, что мемориальное пространство подвержено постоянным изменениям. Внутри него в результате воздействия множества факторов, среди которых стоит особенно отметить политику памяти, на разных исторических этапах общество обозначает памятники и памятные места, образующие коммеморативные системы, объединенные общими смыслами. Одновременно более старые си-

стемы памятников и памятных мест могут терять актуальность и подвергаться забвению, ведущему в конечном итоге к процессам разрушения. Однако забытые ранее памятники зачастую актуализируются с течением времени, обретают новые смыслы и по-новому встраиваются в актуальные системы мемориального пространства. Мемориализацией мы называем включение тех или иных артефактов в мемориальное пространство.

Вслед за Я. Ассманом и А. Ассман мы различаем социальную память, кратковременно бытующую преимущественно в устных нарративах, и культурную память, способную длительно бытовать и реактивироваться, будучи зафиксированной в письменной или иной знаково-символической форме [20. С. 24–26]. В мемориальном пространстве запечатлевается именно культурная память, способная на реактивацию и после периодов частичного забвения прошлого или отвлечения от него внимания. Мемориализация включает в себя целый ряд важных вариантов этического выбора обществом того, кого помнить, как именно запоминать и выражать нравственные смыслы коллективных воспоминаний [21]. Память концентрируется и выражается в символических фигурах, или, говоря языком Я. Ассмана, в «фигурах воспоминаний», которые служат консолидации, пространственному, временному и ценностному ориентированию сообществ, сообщают представление о родине, служат обучающими образцами, одновременно отражая характер, свойства и слабости этого сообщества [22. С. 16].

Нами замечено, что логика формирования мемориального пространства во многом совпадает с логикой формирования сакрального пространства. Этому есть объяснение. Еще в XIX – начале XX в. мемориальные объекты городского пространства часто являлись одновременно и сакральными в прямом смысле слова: многочисленны примеры православных храмов, возводившихся в память о значимых событиях в истории Российского государства или Дома Романовых. Мемориальное пространство советского города официально мыслилось как секулярное, однако в силу культурной инертности памятные места воспроизводили ореол квазисакральности. Отношение к местам, связанным с центральным (всероссийским, всесоюзным) дискурсом памяти, во многом воспроизводило отношение к сакральным местам, наличие которых всегда символически повышало статус города, его значимость в масштабе «центрального» дискурса памяти, его различимость, приметность в пространстве всей страны. Именно поэтому периодически актуализировались поиски, конструирование и даже мистификации памятных мест в городском пространстве, которые могли бы быть хоть как-то связаны не с локальной, а с «большой», российской историей. Наличие таких мест служило подтверждением того, что местный социально-политический порядок сформировался благодаря главным, центральным, почти сакральным событиям отечественной истории, затронувшим и периферию государства, а значит, эта, казалось бы, сильно отдаленная от центра страны местность существует не в отрыве, но во взаимосвязи с

российской историей и является полноценной частью единого государственного целого.

Динамика мемориального пространства находится в прямой зависимости от политики памяти, выражающейся в комплексе средств и самих процессах легитимации тех или иных элементов современного порядка с помощью отсылки к реальным или сконструированным событиям прошлого и их идеологически значимым интерпретациям, которые используют политические субъекты в собственных целях [23. С. 49]. От доминирующих смыслов политики памяти зависит коммуникативная специфика мемориального пространства, в котором, как правило, кипит коммеморативная деятельность. По отношению к ней мемориальное пространство выступает в качестве необходимой инфраструктуры. Политика памяти нередко диктует забвение – образование пробелов в коллективной памяти, относительно универсальные сценарные варианты которого (репрессивное стирание памяти, предписание забыть, забвение на фоне формирования новой идентичности, аннулирования и др.) охарактеризованы П. Коннертоном и учтены в ходе данного исследования [24].

Основными источниками данного исследования послужили неопубликованные делопроизводственные документы иркутских музеев, иркутского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), работы иркутских историков и краеведов, а также публикации в периодической печати.

Согласно выводам декабристоведа Т.А. Перцевой, тема пребывания декабристов в Сибири по политическим причинам замалчивалась историками и краеведами вплоть до 1910-х гг., когда на общем революционном подъеме либерально настроенные авторы П.Е. Щеглов, П.Л. Модзалевский, Б.Г. Кубалов и М.К. Азадовский заговорили о них как о «первенцах свободы» [25. С. 13], филантропах и патриотах. На основе «либерального мифа» о декабристах, уже оформившегося в работах историков А.Н. Пыпина и В.О. Ключевского, получил развитие самостоятельный «сибирский миф» о декабристах, якобы давших этой стране первое поколение интеллигенции и сделавших это бескорыстно, из гуманности, из любви к Родине и из сострадания к простому человеку.

Однако официально до революции декабристы попицались. Соответственно, не вызывает удивления, что их могилы не были отмечены в материалах к некрополю великого князя Николая Михайловича, который создавался в начале XX в. одновременно по всей империи усилиями священнослужителей. По заданию великого князя они обследовали городские и сельские погосты с целью выявления и описания надгробий духовных лиц, дворян, а также наиболее крупных местных общественных деятелей из купеческого и других сословий [26. Л. 1]. Вносить в списки предполагалось сведения о лицах, достойных памяти, составляющих гордость империи. Работая в 1909 г. над соответствующим перечнем, иркутские священнослужители включили в список значимых погребений на кладбище Знаменского женского монастыря могилу жены декабриста Сергея Петровича Трубец-

кого, княгини Екатерины Ивановны Трубецкой, первой из дворянок последовавшей за мужем-декабристом в Сибирь. Ее надгробие фигурировало в списке избранных могил церковного погоста под четвертым номером из восьми наряду с погребениями знаменитого путешественника XVIII в. Г.И. Шелехова, ротмистра В.М. Муравьева и настоятельниц женского монастыря. Княгиня была прихожанкой Знаменской церкви этого монастыря. Официально она никогда не считалась ни преступницей, ни «злодейкой» в отличие от участников декабрьского восстания 1825 г., трое из которых – Н.А. Панов, П.А. Муханов и В.А. Бечасный – фактически покоились на этом же кладбище. Однако о погребении этих «государственных преступников» из дворянского сословия ничего не сообщалось великому князю. Составитель списка указал даты рождения и кончины княгини и сообщил, что вместе с ней «погребены ее дети», «на памятнике имеется надпись, но разобрать не представляется возможным» [27. Л. 4]. Не вполне ясно, к чему относилась последняя надпись, однако, во-первых, можно полагать, что в Иркутске жили люди, которые помнили Трубецкую и ее могилу и без дополнительных надгробных табличек, а во-вторых, ее могила была не очень ухоженной, а значит, не являлась общезначимым памятным местом.

В советское время начало поиска и маркировки памятных мест Иркутска, связанных с пребыванием в этом городе декабристов, было связано с юбилейной датой, на которую обратила внимание советская власть, – 100-летием восстания декабристов. По всей стране готовились праздничные торжества, нацеленные на символическое «удревнение» истории недавнего установившегося политического режима. Партийные и советские органы Сибири устраивали торжественные просветительские мероприятия в клубах и школах по случаю этого юбилея в рамках ударного агитационно-пропагандистского «праздничного каскада», в который также включались массовые коммеморации в честь 20-летия Первой русской революции и годовщины «освобождения от колчаковщины» [28. Л. 3–3 об.]. Декабристы, о которых вслед за В.И. Лениным во всеуслышание заговорили в героико-романтическом тоне, теперь мыслились прямыми предшественниками большевиков, первым дворянским поколением революционеров. В начале 1920-х гг. иркутские историки сходились во мнении, что декабристы повлияли лишь на «верхние слои буржуазии и чиновничества» [8. С. 176]. Теперь же в Иркутске эта позиция пересматривалась, начался поиск доказательств глубокого и разностороннего влияния декабристов и на простой народ, прежде всего на крестьян.

В городе была создана специальная комиссия по подготовке юбилея декабрьского восстания, взявшаяся за выявление соответствующих памятных мест, приведение их в порядок, подготовку необходимой литературы и мероприятий. Следуя новой тенденции политики памяти, член комиссии, историк Б.Г. Кубалов, возглавивший с середины 1920-х гг. иркутских декабристоведов, говорил теперь не только о значительном влиянии ссыльных участников восстания 1825 г. и их жен на все слои населения, но и о едино-

душии общественности Сибири, недовольной «политико-экономическим укладом» их страны с этим «протестующим элементом» [11. С. 142–144]. В его работах декабристы – «свободники», «печальники народные» – были представлены главными сибирским учителями, просветителями, агрономами, защитниками крестьян в суде и распространителями революционных идей, которых, по словам Кубалова, хорошо помнили во всех селениях, где они жили. Б.Г. Кубалов описал возглавленную им экспедицию по этим местам и привел услышанные там рассказы о декабристах, как достоверные, так и легендарные, а также назвал имена тех людей, кто показал ему дома и могилы декабристов. Однако могилу В.А. Бечасного в Иркутске на кладбище Знаменского монастыря он нашел не без труда. Пожилые монахини не имели представления о ее местоположении. Помощь в поисках смогла оказать только невестка декабриста, помнившая эту заброшенную, давно неухоженную могилу. Лишь юбилейная комиссия отметила ее в качестве общезначимого памятного места. Обратив внимание на хорошую сохранность и известность могилы Е.И. Трубецкой, Б.Г. Кубалов установил факт существования в Иркутске и других могил декабристов, совершенно забытых к середине 1920-х гг. Могилы Н.А. Панова и П.А. Муханова, которые в метрических источниках именовались «государственными преступниками», он нашел заброшенными и заваленными мусором на территории монастырского огорода. Привести их в порядок помогли «обитатели монастыря». На Иерусалимском кладбище Кубалов отыскал захоронение декабриста И.В. Поджио и две почти никому уже неизвестные могилы жен декабристов – А.Д. Люблинской и А.П. Бечасной. Обе женщины были крестьянского происхождения. Б.Г. Кубалов заявлял, что, «женясь на крестьянках и других лицах податного сословия, декабристы бросали вызов сословности, чопорному аристократизму, классовым предрассудкам» [11. С. 159]. Очевидно, что именно в соответствии с этой оценкой могилы Люблинской и Бечасной были также отреставрированы и специально отмечены юбилейной комиссией, активно работавшей над преобразованием городского мемориального пространства. Хотя необходимо заметить, что Кубалов не выявил в судьбах этих женщин никакого подвига самопожертвования, подобного тем, что совершали дворянки, ехавшие в Сибирь за мужьями. Более того, он выяснил, что вдова Бечасного крепко выпивала, «разбазаривая» имущество умершего супруга, и не занималась воспитанием детей. Потому и могила их отца быстро пришла в запустение [11. С. 196–206]. В своей книге «Декабристы в Восточной Сибири» Б.Г. Кубалов не упомянул, что в 1925 г. юбилейная комиссия нашла на Иерусалимском кладбище и могилы, которые идентифицировала как могилы неизвестных декабристов. На связь покойных с декабристами указывали характерные чугунные решетки, типичные для декабристских надгробий, однако эти могилы не были ухоженными, и понять, кто в них покоился, уже не представлялось возможным [29. Л. 6].

Помимо декабристского некрополя по инициативе юбилейной комиссии были обследованы и отмечены

иркутские дома, где жили семьи Трубецких и Волконских, а также открыта выставка в краеведческом музее, на которой были представлены вещи П.А. Муханова, М.Н. Волконской и семьи Трубецких, в последствии послужившие основой для создания постоянной экспозиции [30. С. 88].

После завершения кампании по празднованию 100-летнего юбилея восстания декабристов внимание к «декабристским» местам Иркутска предсказуемо ослабло. Могилы декабристов фактически так и не были поставлены под охрану государства. В результате, с закрытием Знаменского монастыря и передачей его помещений детскому дому, некрополь декабристов пострадал от вандализма. В октябре 1930 г. общество политкаторжан с возмущением обнародовало информацию о разрушении оград на могилах декабристов, которые в 1925 г. были приведены в порядок при участии краевых общественных организаций и местных советских органов. В частности, металлические решетки с могилы Е.И. Трубецкой и еще двух декабристов были «сорваны на утиль». Это обнаружил один из членов общества политкаторжан, заглянувший на территорию бывшего монастыря, чтобы навестить памятники, которым предавал большое значение. То, что весь металл с памятников декабристов – кресты и решетки – вандалы сдали в «Рудметаллторг», в июне 1930 г. установила группа музейных работников по изучению памятников старины. Музейщики добились постановления могил декабристов на учет Восточно-Сибирского музея и сектора науки Наркомпроса РСФСР. Однако и после этого планы градостроителей и коммунальщиков еще долго угрожали существованию этих могил [29. Л. 4].

В 1931 г. сносилось старое Иерусалимское кладбище. По договоренности с коммунальными службами, которые после нескольких конфликтов с краеведами, протестовавшими против разрушения старинных надгробий, сами обратились в музей с вопросом, какие могилы стоит сохранить, сотрудники музея экстренно взялись за выявление с помощью подсказок местных жителей исторически ценных погребений. К таковым они причисляли захоронения декабристов, политических ссыльных и деятелей культуры. Найдя «ценные» могилы, музейщики отмечали их зеленой краской. Однако эта мера не гарантировала сохранения надгробий, которые все равно исчезали [31. Л. 28]. В итоге уцелело надгробие одного лишь И.Ф. Поджио. Музейные борцы за сохранение ценных фрагментов исторического некрополя Иркутска негодовали, понимая, что коммунальщики их игнорируют, даже жаловались в горсовет, но толком ничего не добивались. Справедливости ради стоит отметить их собственную «глухоту» и конъюнктурную избирательность по отношению к исчезающему на глазах старинному сибирскому некрополю. В музей обращались общественные организации и частные лица, прошившие защитить от сноса значимые для них могилы, к примеру, выдающегося врача А.М. Хоммера. Но подобные просьбы музей игнорировал, борясь за сохранение тех могил, в которых покоились останки людей, связанных с развитием революционного движения в Сибири, и деятелей культуры, признанных в советское время [32. Л. 48–51].

Уже после эпопеи с закрытием Иерусалимского кладбища, в 1937 г. Общество изучения Восточно-Сибирской области рекомендовало поставить под охрану лишь могилы Е.И. Трубецкой, И.Ф. Поджио и Панова [15. С. 77]. Могилы же В.А. Бечасного и П.А. Муханова странным образом не учитывались, а прочие вообще уже были утрачены. В 1940-х гг., когда из-за войны и сложностей послевоенного восстановления экономики и культуры о декабристах в России писали довольно мало, Ф.А. Кудрявцев и Е.П. Силин посвятили им главу в научно-популярной книге патриотического характера по истории Иркутска. Книга развивала сибирский миф о декабристах как о «пионерах культуры», близких, практически родных простым сибиряками. В частности, авторы заявляли: «С первых лет между декабристами и сибирским трудовым населением завязались дружеские отношения» [33. Л. 174]. За подобными формальными констатациями не стояло никаких реальных доказательств. Не отражало особенной любви иркутян к декабристам и состояние городского мемориального пространства, не говоря уж о состоянии памятных мест за пределами Иркутска. По долгу службы могилы декабристов периодически обследовали музейщики, которые не раз заявляли о необходимости их ремонта. Однако же начались ремонтные работы лишь с 1953 г., после переноса в Иркутск останков декабристов А.П. Юшневского и А.З. Муравьева из села Большая Разводная, попавшего в зону затопления Ангарской ГЭС. В этом же селе находились могилы братьев-декабристов Борисовых, официально признававшиеся памятниками, но фактически исчезнувшие к началу 1950-х гг. Могила Юшневского еще опознавалась, но его надгробие было совершенно разрушено [15. С. 94–96, 109]. Новый памятник этому декабристу был создан уже в Иркутске скульптором В.К. Андреевым. Надгробие же Муравьева, перенесенное из Большой Разводной во второй половине 1950-х гг., было признано ветхим и требующим замены [34. Л. 15]. Обследованию и паспортизации во второй половине 1950-х гг. подвергся также дом, где жили Волконские, отмеченный мемориальной доской. Однако его ремонта не производилось [35. Л. 3].

Внимание к теме пребывания в Иркутске декабристов резко заострилось в 1961 г. на фоне подготовки к празднованию 300-летнего юбилея со дня основания Иркутского острога. Торжества готовились на фоне «оттепели». Контексты времени отразились на ожиданиях иркутских властей и жителей города, связанных с решением проблем инфраструктуры города и повышением статуса Иркутска в масштабах страны. Иркутяне хотели видеть свой город крупным туристическим центром Советского Союза – «восточными воротами» СССР, открытыми для иностранных гостей – официальных делегаций и туристов. Следовательно, и местная политика памяти акцентировала те исторические образы, связанные с прошлым Иркутска, которые могли бы иметь значение в масштабах всей страны. Пребывание в городе декабристов давало основание заявлять о его глубоких «вольнлюбивых и революционных традициях» [36]. В праздничные дни о жизни декабристов в Иркутске писались в газетах, рассказы-

вались в радиопередачах и в музейных лекториях [37. Л. 15]. Однако в дальнейшем стало понятно, что имевшихся в городе декабристских памятных мест было явно мало для решения задач широкой популяризации этой темы. Именно поэтому, в связи со 150-летием восстания, историк-декабристолог С.Ф. Коваль впервые поднял вопрос об установке в городе памятника декабристам [38. Л. 4 об.].

В 1970-х гг. иркутские декабристологи снискали поддержку центральных властей. Решением Министерства культуры СССР в Иркутске создавался историко-мемориальный комплекс декабристов на улице с одноименным названием. Об этом проекте сообщалось даже в газете «Правда». Созданию комплекса предшествовала работа членов иркутского отделения ВООПИК и музейщиков. Помимо уже известных памятников они выявили дом, некогда принадлежавший купцу Е.А. Кузнецову, где останавливались многие декабристы. Этот дом было решено перенести на улицу Декабристов, где находились дома Волконских и Трубецких (именно в нем располагался музей). В качестве ядра этого комплекса мыслилась Преображенская церковь, прихожанином которой был С.Г. Волконский. Предполагалось, что улица, которая к 70-м гг. XX в. сильно изменилась, должна преобразиться за счет воссоздания застройки (10–12 домов) и средовых элементов первой половины XIX в. [39].

В 1970–1980-х гг. расширение и использование сегмента мемориального пространства Иркутска, связанного с декабристами, утверждало два основных мифа: общесоветского – об их прямой, «генетической» связи с большевиками, и сибирского – об их пионерной роли в культурном развитии и просвещении жителей региона. Продление в прошлое местной революционной истории посредством сюжетов о ссылке декабристов использовал, в частности, А.Ф. Кудрявцев при разработке экскурсионного маршрута по революционным местам Иркутска, куда включил дома Трубецких и Волконских, а также известные нам могилы на территории Знаменского монастыря [40. Л. 3–26]. Бытование же мифа о том, что декабристам Иркутск был обязан своим культурным развитием, наглядно отражает экспозиционный план музея декабристов в доме Волконских – «очаге культуры», составленный в 1985 г. к 160-летию восстания. При демонстрации мемориальных вещей акцент делался на книгах, служивших подтверждением просветительской деятельности декабристов, на музыкальных инструментах и картинах Н.А. Бестужева как на образцах высокого искусства, прежде малодоступного сибирякам [41. Л. 3–5].

Образы прошлого резко актуализировались в общественно-политическом пространстве Иркутска и в связи с его очередным юбилеем. На начальном этапе Горбачёвской перестройки иркутяне, ожидавшие решения целого ряда социальных проблем, предприняли весьма удачную попытку привлечь внимание центральных властей к своему городу торжествами в честь значимой круглой даты. В 1986 г. местные власти обратились к дате, на которой прежде особо не заостряли внимания историки и краеведы, – году получения Иркутском статуса города. Таким образом, Иркутск

праздновал второй раз свое 300-летие. Устроенные праздничные мероприятия были очень похожи на те, что уже проходили в 1961 г. [42. Л. 40–41]. Печать репрезентировала декабристов как первых иркутских учителей, не просто просвещавших местное население, но «учивших иркутян жить» [43]. Продолжилось и расширение того сегмента городского мемориального пространства, который был связан с памятью о декабристах. К примеру, открылся сквер Волконского в центральной части города [42. Л. 104].

Повторялась мысль и о необходимости возвести декабристам памятник. Решением этого вопроса в 1987 г. занялось местное отделение ВООПИК, устроившее конкурс соответствующих проектов. С одной стороны, тон обсуждению проектов задавали контексты перестроечной гласности, проявившейся в единодушии членов ВООПИК, высказывавшихся за проведение опроса населения с целью выяснить, какой именно памятник хотят видеть иркутяне. С другой стороны, идея опроса отразила невозможность прийти к общему решению, какую именно идею должен отразить памятник. За движением декабристов по-прежнему признавалось значение «одного из мощных этапов революционного движения в России», дворянского, по словам В.И. Ленина, этапа. При этом членам ВООПИК хотелось особо подчеркнуть роль декабристов в культурной и общественной жизни Сибири, что отвечало актуальным тогда процессам роста регионального самосознания с претензиями на большую самостоятельность и независимость от столицы. Звучали высказывания, отражавшие желание «присвоить» память о декабристах, добавить их великие имена к перечню основателей Иркутска: «Сейчас нужен такой памятник. Это – нравственный урок. Люди, которые основали Иркутск, постоянно чем-то жертвовали. Иркутск был центром каторги и ссылки». Однако дальнейшее обсуждение зашло в тупик. Комиссия отвергла все предлагавшиеся символы: разорванный орел, колокол, фигуры Волконского и его жены, как «не точно выражавшие смысл восстания». Да и сам этот смысл уже не был очевидным. Мнения собравшихся о том, можно ли считать декабристов победителями, разошлись. Не удалось прийти к соглашению, можно ли ставить памятник у церкви, построенной декабристами, и уместно ли подчеркивать их дворянство. В результате обсуждения проектов комиссия отвергла все поступившие на конкурс работы, приняв решение перенести обсуждение на год [44. Л. 2–8]. Однако годом позже никакого нового обсуждения не состоялось, а к идее возведения памятника декабристам вернулись лишь в постсоветское время.

Изучение истории формирования в советское время сегмента мемориального пространства Иркутска, связанного с памятью о декабристах, позволяет нам выделить три основных этапа этого процесса. На первом этапе, с 1910-х и до 1925 г. в Иркутске не существовало общезначимых и хорошо известных жителям города «декабристских» памятных мест. Важно подчеркнуть, что до 1917 г. с официальной позиции действовавших властей, декабристы оставались государственными преступниками и злодеями, покушавшимися на царскую

власть. Поэтому в Иркутске не существовало никаких официальных памятников декабристам. Память об этих людях была актуализирована лишь либерально настроенной интеллигенцией, которая начала конструировать особый «сибирский миф» о декабристах, прежде всего, потому, что в опоре на исторические образы декабристов-ссыльных в Сибири выстраивала собственную идентичность, ведя от декабристов свое происхождение. В первой четверти XX в. о декабристах еще бытовала живая социальная память, выражавшаяся, прежде всего в устных нарративах. Но могилы декабристов, за которыми даже прямые потомки уже не ухаживали, были заброшены, а дома, где они жили, мало кто помнил и мог указать. Все эти места находились на периферии городского мемориального пространства. Географически они могли располагаться в центре Иркутска, однако их местонахождение не совпадало с символическими центрами системы памятников и памятных мест, связанных с революцией и Гражданской войной, которая активно формировалась в 1920-х гг., доминировала в городе и вытесняла старые, дореволюционные памятники. Памятные места, связанные с декабристами, пока не вписывались эту систему.

Официальная советская кампания 1925 г. по празднованию 100-летнего юбилея восстания декабристов дала возможность сибирским декабристоведам – выходцам из либеральной среды, использовать свои историко-краеведческие наработки для решения задачи выполнить заказ государства на формирование в коллективной памяти населения мифа о декабристах как первом поколении русских революционеров и прямых предшественниках большевиков. Эта задача решалась путем соединения революционного мифа о декабристах с уже бытовавшим сибирским. На практике это выразилось в активном конструировании юбилейной комиссией мемориального пространства посредством поиска уцелевших могил декабристов, которые в традиционном христианском контексте мыслились как сакральные места, и предания им смысла общезначимых памятных мест. В сущности, конструкция Б.Г. Кубалова, искусственно детализированная и дополненная мистификациями (могилы неизвестных декабристов и «негероических» декабристских жен) формировалась в отрыве от реально угасавшей социальной памяти о пребывании декабристов в Иркутске. Именно поэтому на данном этапе, который мы продляем вплоть до начала 1960-х гг., сохранение могил декабристов оставалось крайне сложной, в ряде случаев неразрешимой задачей. Разбросанным по городу могилам постоянно угрожали бытовые вандалы, строители и коммунальщики, не понимавшие ценности некрополя. За его существование боролись лишь представители интеллигенции – историки и музейные работники, продолжавшие выстраивать свою профессиональную и творческую идентичность на фундаменте памяти о декабристах. Поддержку музейщикам в деле защиты памятных мест, связанных с декабристами, оказывали лишь бывшие политкаторжане, для которых

память о декабристах также являлась средством поддержания групповой идентичности.

На третьем этапе, в 1960–1980-х гг., память о пребывании декабристов в Иркутске оказалась востребованной местными властями: партийными и советскими органами. Празднования двух иркутских 300-летий отражали рост самостоятельности местных политических элит, довольно эффективно продвигавших собственную политику памяти, нацеленную на эффекты роста символической значимости и большей независимости Иркутска от столицы. Реализуя собственную политику памяти, власти активно сотрудничали с интеллигенцией из числа иркутских декабристоведа. В символическом диалоге со столицей, осуществлявшемся через коммеморативную деятельность, иркутяне утверждали значимость своего города как локуса глубоких революционных традиций, не связанных с пребыванием в нем уже подвергнутых частичной или полной десакрализации героев сталинского времени, а также значимого в масштабах страны культурного центра, у основания которого стояли квазисакральные фигуры декабристов. Опираясь на раздувавшуюся память о декабристах, Иркутск стремился преодолеть состояние периферии, что и вызвало новый импульс к расширению городского мемориального пространства новыми памятниками и повышению статусов мест, уже отмеченных как памятные. На этой волне открылся иркутский музей декабристов, взявшийся за широкое тиражирование сибирского мифа о декабристах, которым город якобы был обязан своим успешным культурным развитием.

Немаловажным фактором развития этого сегмента мемориального пространства Иркутска стала поддержка центральных властей, одобивших идею создания в центре города историко-мемориального комплекса. Для его формирования не хватало аутентичных объектов, поэтому комплекс дополнялся новоделами. Таким образом, в 1970-х гг. организация городского мемориального пространства наглядно отражала смещение акцентов на символические фигуры декабристов. Крупный мемориальный комплекс, ставший туристическим местом, находился в центральной части города. Его дополняли могилы декабристов, располагавшиеся в разных частях Иркутска. По декабристским местам стало возможно водить продолжительные экскурсии, длинные маршруты которых работали на восприятие памяти о пребывании декабристов в Иркутске как о достоянии местного и всероссийского масштаба. Однако перестройка и гласность пошатнули устоявшиеся ранее исторические мифы о декабристах, оценки деятельности которых стали разниться, в результате чего не состоялось консенсуса о том, какие именно идеи должен выражать запланированный к установке памятник. Предполагалось, что он займет центральное место в этой сложившейся системе памятных мест. Однако его установка произошла уже на другом историческом этапе, когда понимание роли декабристов в истории иркутской земли изменилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Assmann A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // *Memory Studies*. 2018. Vol. 11, Is. 3. P. 287–300.
2. Историческая память России и декабристы. 1825–2015 / отв. ред. П.В. Ильин. Санкт-Петербург ; Иркутск : Иркут. обл. ист.-мемориальный музей декабристов, 2019. 472 с.
3. Леонтьева О.Б. Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти российского общества второй половины XIX – нач. XX в. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12, № 2. С. 56–61.
4. Эрлих С.Е. Декабристы в исторической памяти: конец 1990-х – нач. 2010-х гг. СПб.; М. : Нестор-История, 2014. 384 с.
5. Эрлих С.Е. Из позднесоветской истории декабристского мифа // *Уральский исторический вестник*. 2015. № 1. С. 110–119.
6. Trigos L. *The Decembrist Myth in Russian Culture*. New York : Palgrave Macmillan, 2009. 239 p.
7. Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск : Оттиск, 2013. 180 с.
8. Иванов А.И. Исторический факультет Иркутского госуниверситета как центр изучения сибирской политической ссылки XIX в. // *Известия Иркутского государственного университета*. 2018. Т. 24. С. 165–184.
9. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 64.
10. Коваль С.Ф. Декабрист В.Ф. Раевский (1785–1872). Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. 132 с.
11. Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск : Изд. Иркут. губ. архивбюро, 1925. 217 с.
12. ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 67.
13. Козлов И. В гостях у декабристов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. 120 с.
14. Дулов А.В., Ячменев Е.А. Памятники и памятные места, связанные с пребыванием декабристов в Сибири // *Памятники истории и культуры Иркутска: сб. очерков*. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. С. 141–165.
15. Гарашенко А.Н. Декабристский некрополь в Иркутске: история советского периода (1925–1975 гг.) // *Декабристское кольцо*. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск : Оттиск, 2011. Вып. 1. С. 74–115.
16. Segesten A.-D., Wüstenberg J. Memory studies: The state of an emergent field // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10, Is. 4. P. 474–489.
17. Сабанчиев Р.Ю. Концепция мест памяти П. Нора как способ исторической реконструкции // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2018. № 1. С. 33–38.
18. Вальдман И.А., Громова О.А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2019. Т. 8, № 5А. С. 36–45.
19. Красильникова Е.И. Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике // *Вестник Томского государственного университета*. Серия: История. 2019. № 61. С. 32–43.
20. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : НЛЮ, 2014. 238 с.
21. Stroud S.-R., Henson J.-A. Memory, Reconstruction, and Ethics in Memorialization // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2019. Vol. 33, Is. 2. P. 282–299.
22. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
23. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // *Вестник Самарского университета*. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
24. Connerton P. Seven Types of Forgetting // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1, Is. 1. P. 59–71.
25. Перцева Т.А. Влияние декабристов на формирование культурных традиций в Иркутске: причины, природа, последствия // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: История. 2015. Т. 11. С. 12–22.
26. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 549. Оп. 2. Д. 1.
27. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 15.
28. Государственной архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 86. Оп. 1. Д. 45.
29. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 74.
30. Подольская Л.Я. К истории изучения проблемы «Декабристы в Сибири» в Иркутске // *Декабристское кольцо*. Вестник Иркутского музея декабристов. 2014. Вып. 2. С. 89–91.
31. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 15.
32. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 68.
33. ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 51.
34. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 119.
35. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 306.
36. Обращение юбилейной сессии Иркутского городского Совета депутатов трудящихся // *Восточно-Сибирская правда*. 1961. 16 июля.
37. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 329.
38. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИИО). Ф. 3238. Оп. 1. Д. 334.
39. Ходий В. Улица Декабристов // *Правда*. 1976. 24 ноября.
40. ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 102.
41. ГАИО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 584.
42. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 48. Д. 7. Л. 40–41.
43. Сергеев М. Спасибо тем, кто научил нас жить // *Советская молодежь*. 1986. 28 июня.
44. ГАНИИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 334.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2020 г.

Symbolic Figures of the Decembrists in the Memorial Space of Irkutsk (Early 20th Century – 1991)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 129–138.

DOI: 10.17223/15617793/468/14

Yekaterina I. Krasnikova, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: memory of Decembrists; memorial space; memorable places; politics of memory; commemoration; social identity.

The study is supported by Novosibirsk State Technical University, Project No. C-19-17, year 2019.

The author explores the problem of reflecting the collective memory of Siberians about the exiled Decembrists in the memorial space of Irkutsk at different historical stages. The aim of the article is to characterize the developing dynamics of a segment of the memorial space system that includes Irkutsk's memorial places associated with the Decembrists in the chronological framework of

the Soviet period of Russian history. The study is based on the principle of historicism. The methodological reference point of the research is the problem field of memory studies; the concepts of the places of memory of P. Nora and cultural memory of J. Assmann and A. Assmann are used. The author also employs historical-genetic and historical-comparative methods. Within the framework of the Soviet period, three stages of forming the segment of the Irkutsk memorial space associated with the memory about the Decembrists were identified. The first stage, from the 1910s till 1925, reflects the general weakness of Irkutsk city residents' collective memory about the Decembrists, which was manifested in neglecting memorial sites, and the beginning of the awakening of interest in the Decembrists among the local liberal-minded intelligentsia. At the second stage, from 1925 (the 100th anniversary of the Decembrist uprising) till the 1960s, under the influence of the state politics of memory that recognized the Decembrists as the first generation of Russian revolutionaries, the intelligentsia of Irkutsk were actively forming the locus of the Decembrists' memorial space in their city. Based on the memory about the Decembrists, the intelligentsia was constructing their social identity. But the local authorities did not provide the intelligentsia with the desired support, which significantly complicated achieving the memorialization tasks. At the third stage, in the 1960s–1980s, the memory about the Decembrists' stay in Irkutsk was in demand among the local authorities, who used it especially actively during celebrations dedicated to the anniversaries of the city. Many memorable places were designated, and their protection was improved. The sharply increased attention of Irkutsk local administration and city residents to the exiled Decembrists reflected the growth of their regional identity. The author revealed the dependence of reflecting the collective memory about the Decembrists in the Irkutsk memorial space on the state and regional politics of memory, as well as on the local intelligentsia initiatives, for which the memory about the Decembrists served as one of the foundations for constructing their social identity.

REFERENCES

1. Assmann, A. (2018) One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel. *Memory Studies*. 11 (3). pp. 287–300.
2. Il'in, P.V. (ed.) (2019) *Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy. 1825–2015* [Historical memory of Russia and the Decembrists. 1825–2015]. St. Petersburg; Irkutsk: Irkut. obl. ist.-memorial'nyy muzey dekabristov.
3. Leont'eva, O.B. (2010) Geroizatsiya i degeroizatsiya obrazov dekabristov v istoricheskoy pamyati rossiyskogo obshchestva vtoroy poloviny XIX – nach. XX v. [The heroization and deheroization of the images of the Decembrists in the historical memory of Russian society in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 12 (2). pp. 56–61.
4. Erlikh, S.E. (2014) *Dekabristy v istoricheskoy pamyati: konets 1990-kh – nach. 2010-kh gg.* [Decembrists in historical memory: late 1990s – early 2010s]. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya.
5. Erlikh, S.E. (2015) From the Late Soviet History of the Decembrist Myth. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Bulletin*. 1. pp. 110–119. (In Russian).
6. Trigos, L. (2009) *The Decembrist Myth in Russian Culture*. New York: Palgrave Macmillan, 239 p.
7. Rozhanskiy, M.Ya. (2013) *Sibir' kak prostranstvo pamyati* [Siberia as a space of memory]. Irkutsk: Ottisk.
8. Ivanov, A.I. (2018) Historical Faculty of Irkutsk State University as the Center for Studies of the Siberian Political Exile of the XIX Century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*. 24. pp. 165–184. (In Russian).
9. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-2698. List 1. File 64.
10. Koval', S.F. (1951) *Dekabrist V.F. Raevskiy (1785–1872)* [The Decembrist V.F. Raevskiy (1785–1872)]. Irkutsk: Irkut. obl. gos. izd-vo.
11. Kubalov, B.G. (1925) *Dekabristy v Vostochnoy Sibiri* [The Decembrists in Eastern Siberia]. Irkutsk: Izd. Irkut. gub. arkhivbyuro.
12. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-2698. List 1. File 67.
13. Kozlov, I. (1975) *V gostyakh u dekabristov* [Visiting the Decembrists]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
14. Dulov, A.V. & Yachmenev, E.A. (1993) Pamyatniki i pamyatnye mesta, svyazannye s prebyvaniem dekabristov v Sibiri [Monuments and memorable places associated with the stay of the Decembrists in Siberia]. In: *Pamyatniki istorii i kul'tury Irkutsk: sb. ocherkov* [Monuments of history and culture of Irkutsk: collection of essays]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. pp. 141–165.
15. Garashchenko, A.N. (2011) Dekabristskiy nekropol' v Irkutsk: istoriya sovetskogo perioda (1925–1975 gg.) [The Decembrist necropolis in Irkutsk: history of the Soviet period (1925–1975)]. In: *Dekabristskoe kol'tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov* [The Decembrist ring. Bulletin of the Irkutsk Museum of the Decembrists]. Vol. 1. Irkutsk: Ottisk. pp. 74–115.
16. Segesten, A.-D. & Wüstenberg, J. (2017) Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*. 10 (4). pp. 474–489.
17. Sabancheev, R.Yu. (2018) Pierre Nora's concept of "places of memory" as a method of historical reconstruction. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 1. pp. 33–38. (In Russian).
18. Val'dman, I.A. & Gromova, O.A. (2019) Conceptual foundations of the methodology for studying memorial space in historical dynamics. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke – Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 8 (5A). pp. 36–45. (In Russian).
19. Krasil'nikova, E.I. (2019) The Memorial Space of Novosibirsk in the Historical Dynamics (1893–2000). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 32–43. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/61/5
20. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow: NLO.
21. Stroud, S.-R. & Henson, J.-A. (2019) Memory, Reconstruction, and Ethics in Memorialization. *The Journal of Speculative Philosophy*. 33 (2). pp. 282–299.
22. Schenk, F.B. (2007) *Aleksandr Nevskiy v russkoy kul'turnoy pamyati: svyatoj, pravitel', natsional'nyy geroy* [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, National Hero]. Translated from German by E. Zemskova and M. Lavrinovich. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 592 s.
23. Krasil'nikova, E.I. & Val'dman, I.A. (2020) Politics of Memory: Historical Symbols and Commemorative Practices in the System of Socio-Political Selfregulation of the Region (Siberia of the XX – Early XXI Centuries). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 26 (1). pp. 47–54. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
24. Connerton, P. (2008) Seven Types of Forgetting. *Memory Studies*. 1 (1). pp. 59–71.
25. Pertseva, T.A. (2015) The Decembrists' Impact on the Formation of Cultural Traditions in Irkutsk: Reasons, Origins, Consequences. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*. 11. pp. 12–22. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 549. List 2. File 1.
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 549. List 2. File 15.
28. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 86. List 1. File 45.
29. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 74.
30. Podol'skaya, L.Ya. (2014) K istorii izucheniya problemy "Dekabristy v Sibiri" v Irkutsk [On the history of the study of the problem "Decembrists in Siberia" in Irkutsk]. *Dekabristskoe kol'tso. Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov*. 2. pp. 89–91.
31. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 15.

32. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 68.
33. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-2698. List 1. File 51.
34. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 119.
35. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 306.
36. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. (1961) Obrashchenie yubileynoy sessii Irkutskogo gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya [Address of the jubilee session of the Irkutsk City Council of Working People's Deputies]. 16 July.
37. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 329.
38. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIIO). Fund 3238. List 1. File 334.
39. Khodiy, V. (1976) Ulitsa Dekabristov [Street of the Decembrists]. *Pravda*. 24 November.
40. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-2698. List 1. File 102.
41. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-47. List 1. File 584.
42. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIIO). Fund 159. List 48. File 7. Pages 40–41.
43. Sergeev, M. (1986) Spasibo tem, kto nauchil nas zhit' [Thanks to those who taught us how to live]. *Sovetskaya molodezh'*. 28 June.
44. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIIO). Fund R-3238. List 1. File 334.

Received: 06 June 2020